

УДК 028(091)(470)

<https://doi.org/10.20913/1815-3186-2022-3-136-139>

Reading Russia. A history of reading in modern Russia. Vol. 1–3 / ed. by D. Rebecchini, R. Vassena. Milano: Ledizioni, cop. 2020. Vol. 1. 295 c. ; Vol. 2. 561 c. ; Vol. 3. 435 c.

История чтения в России. Новое знание

History of Reading in Russia. New Knowledge

История чтения в России приросла новым знанием. В 2020 г. в Италии вышел трехтомник Reading Russia («Читающая Россия»), изданный под редакцией преподавателей-русистов Миланского университета Дамиано Ребеккини и Рафаэллы Вассены. В этом масштабном проекте приняли участие ведущие европейские, американские и российские специалисты, изучающие историю чтения в Российской империи, СССР и современной России. Общее название томов – A history of reading in modern Russia («История чтения в современной России»), хронологические границы – XVIII–XXI вв. (Reading Russia..., 2020).

Изданию предшествовали две встречи, прошедшие в Миланском университете в 2013 и 2017 гг. и объединившие международную группу исследователей истории литературы, издательского дела и социальной истории в рамках изучения феномена чтения в России междисциплинарными методами, с разными методологическими подходами. Первая встреча состоялась на конференции Reading Russia. Places and Manners of Reading, 1760–1930 («Читающая Россия. Места и способы чтения, 1760–1930 гг.»), по результатам которой был издан сборник статей «Reading in Russia: practices of reading and literary communication, 1760–1930» (2014) (Чтение в России: практики чтения и литературной коммуникации, 1760–1930) (Федотов, Вдовин, 2015). Вторая – семинар Towards a History of Reading in Russia («К истории чтения в России»), из которого и возник проект по изданию трехтомника, с целью «впервые [представить] историю чтения в России, предназначенную не только для русистов, но и для ученых, интересующихся историей чтения и историей книжной культуры в Европе» (Reading Russia..., 2020, vol. 1, p. 13).

Три тома разделены на четыре части. Первый том – это первая часть под названием The long eighteenth century («Долгий XVIII в.»), второй – The long nineteenth century («Долгий XIX век»), третий – включает в себя третью часть – After the Bolshevik revolution («После большевистской революции») и четвертую – Towards the Digital revolution («На пути к цифровой революции»). Кроме основных статей, есть так называемые case-study – публикации, посвященные региональным или частным сюжетам из истории чтения. Статьи расположены не только в хронологическом порядке, но и в логической последовательности, своеобразном диалоге авторов. Таким образом, перед нами разворачивается история чтения в России в «долгих» XVIII и XIX вв. и «коротком» XX в. Напомню, что эти определения для исторических периодов ввел Э. Хобсбаум, назвавший «долгим XIX веком» исторический период, начавшийся в 1789 г. Французской революцией и закончившийся в 1914-м Первой мировой войной (Хобсбаум, 2004, с. 16). Такая периодизация, по нашему мнению, особенно уместна для истории чтения, так как многие исследователи (и не только этого сборника) социальные революции конца XVIII в. связывали с «читательскими революциями», то есть с увеличением количества читателей, появлением «общественного мнения» и «публики».

Д. Ребеккини во введении констатирует отсутствие единой методологии, так как чтение – многоаспектное явление, очень трудно поддающееся однозначному определению, поэтому только применение научных инструментов разных дисциплин – литературоведения, истории, культурологии, социологии, медиалогии –

позволяет его рассмотреть, описать и изучить в динамике. «Расхождение в процедурах изучения», по мнению редакторов, не является «слабостью» проекта; более того, они считают, «что это скорее одна из сильных его сторон» (*Reading Russia...*, 2020, vol. 1, p. 14). Объединяющим фактором является признание всеми участниками проекта положения, что чтение – «это действие, воплощенное в определенных жестах, привычках и пространствах» (Г. Кавалло, Р. Шартье), разделяемое конкретными «сообществами интерпретаторов» (С. Фиш) (*Кавалло, Шартье, 2008, с. 10, 11*). Именно поэтому, что бы ни анализировали авторы статей (надписи на триумфальных арках или вывесках магазинов, тексты рукописей, книг, газет, журналов или печатные издания самиздата, сценарии фильмов), для них главное «выявить и определить в рамках каждого хронологического периода основные преобразования, которые повлияли на форму и значение этих действий, пространств и привычек по отношению к сообществам, которые их породили» (*Reading Russia...*, 2020, vol. 1, p. 14).

Отличительной особенностью в методологическом плане является активное применение гендерного подхода. Для исследователей трехтомника важно выделить женщин из общей массы читателей того или иного периода, подчеркнуть особенность их читательских практик, то есть сделать их видимыми, а при наличии источников «дать слово» каждой. Важно отметить и то, что все исследователи знакомы с ситуацией в европейских странах, поэтому так или иначе сравнительные характеристики присутствуют во всех статьях, применение компаративного метода делает сборник уникальным. Читатель не только знакомится с историей чтения в России в XVIII–XXI вв., но и получает представления об особенностях этих же процессов в западноевропейской традиции.

В качестве источников, к которым обращаются авторы трехтомника (кроме указанных выше), есть как те, что активно используются отечественными книговедами и историками (статистические данные, результаты опросов и анкетирования, делопроизводственная и нормативная документация, эго-документы), так и редко используемые в отечественных работах (художественная литература, читательские пометы, визуальные и иконографические документы, письма читателей авторам и редакторам журналов, документы о литературных вечерах). Особого внимания заслуживает привлечение фотографий в качестве источника для изучения чтения на современном этапе. Д. Ребеккини справедливо отмечает, что «письменные источники ограничивают мимолетность и неопределенность чтения жесткими нормами письма», а фотография «уравновешивает этот эффект,

восстанавливая неопределенность и открытость смыслов <...>. Предоставляя одновременно все виды конкретных деталей о читателе, от выражения лица до положения рук, от одежды до книг и предметов, окружающих его, с точностью, на которую не может претендовать ни одно письменное описание» (*Reading Russia...*, 2020, vol. 1, p. 42).

Характерной чертой работ зарубежных исследователей истории чтения является активное использование художественных текстов в качестве источников. С поэзией и поэтическими сборниками, прозой больших и малых форм в самых неожиданных интерпретациях наши коллеги открывают новые сюжеты, связанные с чтением. Среди авторов трехтомника много филологов, но и культурологи, и историки анализируют художественную литературу. Заметим, что они выбирают тексты не только входящие в классический канон русской литературы, но и совершенно забытые. Например, анализ повести О. М. Сомова «Матушка и сынок», вышедшей в 1830 г., позволил Кэтрин Бауэрс дать характеристику российских читателей готического романа в начале XIX в. и проследить, как позднее писатели-реалисты «адаптировали готические повествовательные приемы для своих собственных целей» и как читатель конца XIX в. «был способен легко распознать готические сигналы» (*Reading Russia...*, 2020, vol. 2, p. 377–408).

Статистические данные (анкеты красноармейцев) послужили источником для анализа сложного периода 1920-х гг., когда формировалась новая читательская среда (Е. Добренко, А. Рейтблат (*Reading Russia...*, 2020, vol. 3, p. 15–42)); читательский дневник М. В. Нечкиной позволил увидеть, что остаться «другой» в Советской России было невозможно (кейс О. Лекманова (*Reading Russia...*, 2020, vol. 3, p. 273–294)); привлечение периодической печати 1918–1935 гг. дало материал для исследования того, как приспосабливались к новой норме не только читатели, но и пресса (Дж. Брукс (*Reading Russia...*, 2020, vol. 3, p. 43–82)). Самиздат исследовала Жозефина фон Цитцевитц. Основной массив данных для ее статьи был собран в течение 2017 г. с помощью онлайн-опроса. Это позволило ей сопоставить «распространенные гипотезы о самиздате, полученные из “общего знания” и личного опыта отдельных людей» (*Reading Russia...*, 2020, vol. 3, p. 217–272).

Перечисленные источники являются традиционными и для российских книговедов, а вот их сочетание и подходы к ним позволяют авторам сборника увидеть неожиданные аспекты в истории чтения. Так, например, для описания эволюции практик чтения учащихся русских гимназий и реальных училищ во второй половине XIX – начале XX в. авторы обратились

к нормативным текстам (программы, учебники, методические материалы, хрестоматии), мемуарам (создав базу данных на основании 56 текстов воспоминаний о детском и юношеском чтении) и аналитическим статьям о школьном и внеклассном чтении, основанным на опросах или наблюдениях школьных учителей и библиотечкарей (*Reading Russia...*, 2020, vol. 2, p. 259–316). Чтобы компенсировать недостаток эго-документов и рассмотреть проблему «как ученики читают (и как их учили читать)», авторы прибегнули к «трем взаимосвязанным точкам зрения, которые основаны на доступных источниках и проверенных процедурах реконструкции», а именно: во-первых, к официальным (министерским) программам; во-вторых, к «стандартным методам интерпретации [которые] развивались на протяжении XIX века и ... вытесняли друг друга или сосуществовали» и на основании которых «отдельные учителя разработали свои собственные, индивидуальные методы интерпретации»; в третьих, «сохранившиеся эссе студентов», чтобы увидеть, усвоили ли они «стандартные интерпретации текстов или отклонялись от них?» (*Reading Russia...*, 2020, vol. 2, p. 266). Такой комплексный взгляд дал стереоскопичность анализа чтения гимназистов и реалистов (в сравнении этих разных социокультурных групп), в «долгом» XIX в. с учетом реформ в преподавании словесности и изменений стандартов в литературной критике.

Литературность – важная составляющая публикаций зарубежных коллег. Историки чтения в своих трудах много цитируют, применяют научный инструментарий филологов (например, формальный метод использует Д. Хитрова при исследовании читателей поэзии в 1800–1830-х гг. (*Reading Russia...*, 2020, vol. 2, p. 13–55)), демонстрируют прекрасное знание истории литературы, что, в свою очередь, способствует их стилю, и даже, что нечасто можно встретить в научных текстах, некой драматургии в изложении аргументов и доводов. Литературность и интрига проявляются и в формулировке названий. Например, буква «о» с несколькими знаками препинания (O!?!?!: Reading and Readers in the Silver Age, 1890–1900-s) в названии статьи Джонатан Стоун о чтении и читателях Серебряного века (*Reading Russia...*, 2020, vol. 2, p. 211–239) (такая экспрессия оправдана, так как ярко характеризует «новое искусство», декадентство, символизм и другие «измы», появившиеся на литературном поле и потребовавшие от читателей новых навыков чтения для понимания). Или статья Томаса Лахузена о «классовом чтении» «Есть класс в этом тексте?: чтение в эпоху Сталина» (автор имеет в виду «классовый вопрос», обсуждение которого должно было обязательно присутствовать в круге

чтения советских читателей) (*Reading Russia...*, 2020, vol. 3, p. 83–106). Привлечение методов литературоведения (особенно для анализа чтения художественной литературы) в совокупности с традиционными книговедческими – образец междисциплинарного подхода, без которого, на наш взгляд, невозможно понимание феномена чтения.

Принадлежностью для большей части материалов является погружение сюжетов в социокультурный контекст и коммуникационные сети сообществ, что совершенно иначе актуализирует исследовательские задачи тех, кто изучает чтение и читателей. Так, в кейсе, посвященном «борьбе за создание региональной общестственности», Сьюзен Смит-Питер для характеристики «Казанских известий» (1811–1820 годы издания) представляет интеллектуальный потенциал Казанской губернии, способствовавший формированию «региональной общестственности» (*Reading Russia...*, 2020, vol. 2, p. 347–375). Она подчеркивает, что Казань в начале XIX в. не только университетский город, но и центр учебного округа, именно поэтому на страницах «Казанских известий» не замедлила себя проявить «активная и критически настроенная региональная читающая публика», что было неожиданно для властей. «Эксперимент будет приостановлен», но, как отмечает С. Смит-Питер, «региональная общественность позже вновь возникнет в украинской и сибирской национальной и региональной идентичности» (*Reading Russia...*, 2020, vol. 2, p. 375). Этот пример не исключение, также подробно и «плотно» описаны социокультурный, идеологический и политический контексты во всех статьях трехтомника.

Обращает внимание то, как авторы сборника использовали дефиницию «книжная культура». В первом томе Даниэль Кларк Уо привлекал это определение для описания книжной культуры раннего периода, Древней Руси, а также в отношении книжной культуры монастырей и старообрядцев (*Reading Russia...*, 2020, vol. 1, p. 46, 49, 50, 53, 66, 71). Во втором – только однажды мы встретили использование этой формулировки при упоминании «книжной культуры масонов» (*Reading Russia...*, 2020, vol. 2, p. 411). В третьем томе, посвященном XX и XXI вв., термин встречается довольно часто, но также в непривычном для отечественной традиции контексте: «городская (книжная) культура» (*Reading Russia...*, 2020, vol. 3, p. 18) и «мир книжной культуры» (*Reading Russia...*, 2020, vol. 3, p. 21, 25). Биргит Менцель четвертую часть своей статьи называет «2000–2008: коммерциализация и долгий конец русской/советской книжной культуры» (*Reading Russia...*, 2020, vol. 3, p. 337), а заключительную – «Длинная тень советской книжной культуры»

и искры новых начинаний» (*Reading Russia...*, 2020, vol. 3, p. 357). Она употребляет эту дефиницию, имея в виду в целом русскую культуру, которая, по ее мнению, «традиционно определялась, как “книжная культура”» (*Reading Russia...*, 2020, vol. 3, p. 345, 349), а сейчас это «дело прошлого» (*Reading Russia...*, 2020, vol. 3, p. 350) и «ей угрожает Интернет» (*Reading Russia...*, 2020, vol. 3, p. 351). То есть для авторов сборника «Читающая Россия» книжная культура – это либо развитие русской культуры на определенном историческом отрезке, либо синоним субкультуры отдельных читательских групп.

В заключение отметим, что авторы трехтомника «Reading Russia», привлекая разнообразные и обширные комплексы источников как традиционные для российского книговедения и библиотекведения характеризуют изменения читательских практик в России на протяжении длительного периода: с конца XVII в.

и до конца 2010-х гг. Научный инструментарий, используемый авторами сборника для анализа чтения современного периода, особенно интересен, так как это взгляд на наши читательские практики глазами «другого», и такой подход, как нам кажется, может быть продуктивен и при изучении чтения в ретроспективе. Методологические приемы и подходы, способные дополнить арсенал отечественных исследователей книжной культуры, заслуживают пристального внимания, обсуждения и применения для решения исследовательских задач в знании о чтении.

Международный проект «Reading Russia», объединивший ученых из разных стран, представляющих деятелей разных областей знаний (истории, социологии, культурологии, литературоведения, искусствоведения), не только демонстрирует различия историографических школ, но и служит импульсом для дальнейших исследований.

Список источников / References

- Кавалло Г., Шартье Р. Введение // История чтения в Западном мире: от античности до наших дней. Москва, 2008. С. 9–52 [Kavallo G and Shart'e R (2008) Introduction. *Istoriya chteniya v Zapadnom mire: ot antichnosti do nashikh dnei*. Moscow, pp. 9–52. (In Russ.)].
- Федотов А. С., Вдовин А. В. [Рецензия] // Новое литературное обозрение. 2015. № 2. С. 393–398. Рец. на кн.: Reading in Russia: practices of reading and literary communication, 1760–1930 / ed. by D. Rebecchini, R. Vassena. Milan : Di/segni, 2014. 284 p. [Fedotov AS and Vdovin AV (2015) Book review. *Novoe literaturnoe obozrenie* 2: 393–398. Rev.: Rebecchini D and Vassena R (eds) (2014) Reading in Russia: practices of reading and literary communication, 1760–1930. Milan: Di/ segni. (In Russ.)].
- Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: короткий двадцатый век, 1914–1991. Москва : Независимая газ., 2004. 630 с. [Hobsbaum E (2004) Age of extremes: the short twentieth century, 1914–1991. Moscow: Nezavisimaya Gaz. (In Russ.)].
- Rebecchini D and Vassena R (2014) Reading in Russia: practices of reading and literary communication, 1760–1930. Milano: Ledizioni. DOI: <https://doi.org/10.13130/disegni/8292>.
- Rebecchini D and Vassena R (2020) Reading Russia. A history of reading in modern Russia. Vol. 1–3. Milano: Ledizioni.

О. В. Морева,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
лаборатории книговедения,
ГПНТБ СО РАН
moreva@spsl.nsc.ru